

Бено Израйлович Табачникас — доктор экономических наук, профессор. В РГПУ (ЛГПИ) им. А. И. Герцена работает с 1962 г. С 1993 г. — профессор кафедры прикладной экономики.

Имеет 16 правительственных наград, в том числе ордена Отечественной войны II степени и Красной Звезды, медали «За отвагу», «За взятие Вены». Награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Основная область научных исследований — механизмы управления производством и инновационной деятельностью. Научный руководитель проектов по формированию и реформированию корпоративных структур.

Автор и соавтор 175 публикаций. Подготовил более 50 кандидатов наук.

*Б. И. Табачникас,
профессор кафедры прикладной экономики*

О ПЕРЕЖИТОМ

Я родился в 1924 году в довоенной столице Литвы — Каунасе, в русскоязычной еврейской семье. Отец — уроженец Белоруссии, сын раввина, закончил юридический факультет Петербургского университета, был адвокатом, мать — петербурженка, дочь дантистки и инженера, училась в знаменитой «Екатериненшуле», работала секретарем-машинисткой. В Литву, где жили родственники матери, их забросила война и революция. Сестра была на 7 лет старше меня. Она закончила русскую гимназию и вышла замуж до начала Второй мировой войны.

Дома была отличная библиотека. В детстве я перечитал всю русскую классику, много читал книг советских авторов. Как многие советские одногодки, помнил наизусть «Золотого теленка» и «12 стульев» Ильфа и Петрова.

Литва, так же как Латвия и Эстония, была в те годы хрупким государственным образованием, расположенным между фашистской Германией и СССР. Симпатии и надежды просвещенной интеллигенции, особенно еврейского населения, были обращены к Советскому Союзу. В пятнадцатилетнем возрасте я вступил в подпольный комсомол Литвы, распространял антифашистские листовки и в условиях жесткой конспирации читал «Капитал», мало что понимая и не подозревая, что в будущем придется не только изучать, но и преподавать экономическую теорию марксизма.

Характер моего школьного образования определялся во многом меняющейся политической конъюнктурой. Первые три класса я учился в немецкой гимназии, последующие пять лет — в еврейской и закончил литовскую советскую среднюю школу накануне Великой Отечественной войны в июне 1941 года.

Мы с радостью приветствовали вступление Красной армии и образование Литовской ССР. Выполнение пакта Молотова—Риббентропа в то время нам казалось благом: оно спасло нас (правда, на короткое время) от фашистского нашествия. Даже депортации в Сибирь (из моего класса в одночасье исчезла половина учеников), уплотнение жилья (к нам подселили две семьи советских офицеров), нехватка предметов первой необходимости не ослабили восторгов молодого комсомольца.

Война разбудила меня 22 июня ровно в 4 часа ночи. Город бомбили, наши войска бежали. Мне удалось с группой комсомольцев бежать из гетто. Мои родители, сестра и ее муж, большинство остальных родных и близких остались там, родившийся в гетто ребенок сестры был уничтожен во время так называемой детской акции. Отец погиб в концлагере Дахау, мать — в женском лагере Штутгоф, сестра умерла сразу после освобождения из лагеря.

Босой и голодный, я, избежав смерти от бомбежек и обстрелов «лесных братьев», добрался до Даугавпилса, где был организован сборный пункт для беженцев. Преодолев много трудностей, я сел в эшелон, который привез нас в поселок Домбаршактстрой Оренбургской области, где я работал бурильщиком в геологоразведочной партии. В дальнейшем судьба забросила меня в Пензу по вызову эвакуированного туда руководства Литвы, затем в Челябинск, где находились мои московские родственники. Мне снова пришлось менять профессию. Работал токарем на заводе минометного вооружения имени Колющенко.

В июне 1942 года я был призван в армию. До апреля 1943 года служил в учебном полку в Чебаркульских лагерях. Там получил специальность артиллерийского вычислителя, в функции которого входили наблюдение, засечка целей и подготовка данных для стрельбы. До конца войны служил в 127-м пушечно-артиллерийском полку на Юго-Западном, затем 3-м Украинском фронте командиром вычислительного отделения разведдивизиона.

Не буду здесь рассказывать обо всем виденном и пережитом на фронте. Остановлюсь только на некоторых особенно запомнившихся эпизодах.

Первое впечатление от передовой ассоциируется у меня с ароматом цветущих яблонь, соловьиными трелями и удушливым запахом горелого мяса. Так встретил нас город Изюм, вблизи которого на берегу Северского Донца расположились наши позиции. Мы прибыли туда пешим маршем сразу после ожесточенного артиллерийского обстрела, разрушившего десятки белоснежных украинских мазанок. Ранним солнечным утром в пожарах горели человеческие тела...

Вспоминаю долгое противостояние, а затем медленное изнурительное наступление с частыми сменами позиций и артподготовками в Левобережной Украине.

Там во время боев за освобождение Харькова я впервые увидел истинное лицо войны. По тревоге нас перебросили в лесок города Змиева. Всю ночь, расположившись в нескольких оставшихся от немцев блиндажах, мы готовили позиции для орудий, окопы, начали вести подготовку данных для ведения огня. Едва рассвело, на нас обрушился шквал артиллерийских снарядов и фугасных бомб. Позиции были буквально искромсаны осколками. До сих пор перед моими глазами пыль, дым, тела убитых и раненых, а в ушах стоны и крики. Рядом со мной гибли десятки людей, вместе с которыми я только что шагал, стрелял, ел, спал, говорил по душам, ругался, курил. Что это было? Неорганизованность или некомпетентность тех, кто принимал решения, отвечал за сбор разведданных и маскировку? Или просто свидетельство небрежения человеческими жизнями? Могу лишь догадываться. В книге летописца дивизии о том участке, на котором погибли мои фронтовые друзья, сказано так: «Здесь готовилось наступление, которое, по неизвестным мне причинам, не состоялось. Дивизия... возвратилась на прежнее место». Это был рядовой эпизод войны.

Совсем другого рода происшествие случилось несколько раньше в Донбассе. Наша команда только что вернулась с передовой, где проводила практически на глазах у противника съемку местности. Мы смертельно устали от перебежек и пригибаний, но мне отдохнуть не удалось. В землянке появился старшина дивизиона и спросил у меня: «Ты, говорят, хвастал, что знаешь английский язык. Это правда?» Я изрядно испугался: уже тогда догадывался, что старшина этот по совместительству выполняет и другие функции (впоследствии это подтвердилось). Крепя сердце, я пошел за ним.

На ближайшей железнодорожной станции — кажется, это был Купянск — меня подвели к группе офицеров, среди которых было несколько полковников и даже один генерал. Оказалось, туда прибыли платформы с американскими тягачами, поставленными по ленд-лизу. Их в нашей дивизии катастрофически не хватало — нечем было перемещать орудия. Каким-то образом тягачи сняли с платформ, но как ими управлять — этого наши водители и механики не знали. Тут-то старшина и вспомнил обо мне. Высокое начальство вручило мне инструкцию. В технике я тогда — как, впрочем, и сейчас — совершенно не разбирался. Однако то ли инструкция была написана очень доступным языком, то ли страх перед начальством подстегнул — но через считанные минуты я указал на рычаги, кнопки, переключатели, которыми надо было пользоваться, чтобы привести в движение эту технику. Водители все поняли сходу. Тягачи загудели, к нашим орудиям «приделали колеса». До сих пор считаю это своим самым полезным делом на фронте. Правда, я за это никаких наград не получил, если не считать, что в дополнение к ботинкам с портянками мне выдали кирзовые сапоги. Зато сейчас у меня на вооружении убедительный аргумент для моих студентов и внуков в пользу изучения иностранных языков.

Май 1944 года запечатлелся в памяти боями в Молдавии. В первых числах мая я попросил начальника штаба дивизии, к которому был прикомандирован, отправить меня в свою часть — штабная служба стала меня тяготить. В это время мой дивизион вместе с другими подразделениями дивизии располагался на небольшом плацдарме (5 на 10 километров) на берегу Днестра, вблизи Тирасполя. Чудесной теплой ночью с 9 на 10 мая я разыскал своих товарищей по взводу в неглубоком окопчике в нескольких сотнях метров от немецких позиций. Ранним утром раздался танковый гул, а затем на нас посыпались вражеские мины и снаряды, засвистели сбрасываемые «юнкерсами» бомбы, а чуть позднее появились танки. Мимо нас стали пробегать отступавшие пехотинцы. Как я потом выяснил, на участок нашей бригады наступали пятьдесят немецких танков и самоходок. Заградительный огонь наших пушек замедлил наступление противника, но не остановил его: немцам все же удалось вклиниться в нашу оборону. Ночью поступил приказ отходить.

К следующему утру на малом пятачке — песчаном берегу Днестра — скопились сотни солдат и офицеров, орудия, тягачи, полевые кухни. Обстрел и бомбардировки возобновились с новой силой. Земля ходила ходуном от взрывов, солнце затянуло дымом и пылью. Убитых и раненых не подбирали. Вместе с двумя товарищами я лихорадочно пытался зарыться в песок у самой кромки берега. Но оглушительный взрыв прервал нашу работу. Когда я очнулся, увидел, что у лежащего в окопе надо мной бойца (связиста Зеленкова) осколок снес часть черепа; оказавшийся подо мной солдат (имени его не запомнил) задохнулся — вернуть его к жизни не удалось. Зажатый между двумя телами, я уцелел, отделавшись легкой контузией. Оставляли мы правый берег реки, как нам было приказано, поодиночке. Я переплыл реку, вцепившись в автомобильную камеру. Так закончился для меня этот бой на «малой земле» под Тирасполем. Думаю, что кровь и жертвы той операции — тоже на совести ее организаторов.

Все лето 1944 года дено и ночью готовились мы к решающему наступлению на этом участке 3-го Украинского фронта. Вокруг были великолепные сады, абрикосы буквально сыпались на нас. Но насладиться дарами природы не удавалось. Мы работали, как проклятые, зная, что малейшая ошибка в расчетах для артподготовки может привести к тому, что снаряды поразят не огневые точки противника, а нашу пехоту. А потом начались жесточайшие приступы малярийной лихорадки, свалившие каждого второго. Не пощадила она и меня. Не помню, сколько дней провалялся в «госпитале» под открытым небом. Помню только, что там я узнал из сводки Совинформбюро об освобождении от фашистов моего родного Каунаса. Появилась робкая надежда хоть что-то узнать о судьбе родителей, сестры, близких, может быть, и найти их...

Наконец 20 августа, после часовой артподготовки, началось наступление. После того, как окружение Яссо-Кишиневской группировки было закончено, мне пришлось на несколько дней переквалифицироваться в пехотинца. Выполняя задание вдалеке от своей части, мы неожиданно оказались лицом к лицу с пробиравшейся по кукурузному полю группой из тридцати немцев. Видимо, они пытались выйти из окружения. Нас было всего трое, и встреча добра не сулила. Но и немцы были ошарашены не меньше нашего. Полная безысходность толкнула меня на поступок, оказавшийся спасительным. Откуда-то нашлись слова, и я громко, четко, с металлом в голосе произнес по-немецки импровизированную речь. Я предупредил их, что за нами расположен большой отряд пехоты, предложил немедленно сложить оружие и сдаться в плен. Испуганные и растерянные фашисты начали поспешно бросать на землю автоматы, пистолеты и гранаты. Многие молили спасти им жизнь. Взяв на себя миссию конвоиров, мы через несколько часов безнадежных поисков сдали их, наконец, в «пункт приемки» военнопленных.

После Молдавии были Румыния, Болгария и тяжелейшие бои в Венгрии — под городами Секешфехервар и Бичке, где не раз приходилось занимать вместе с пехотинцами круговую оборону, где я потерял много друзей.

В последних числах марта дивизия пересекла границу Австрии, а 13 апреля 1945 года мы вошли в Вену, где дождались Дня Победы. На фронте в 1944 году вступил в члены КПСС.

Из моего взвода к тому времени уцелели только несколько человек. Я получил 17 правительственных наград, но больше всего ценю боевые — медаль «За отвагу», орден Красной Звезды, а также медали «За победу над Германией», «За взятие Будапешта» и «За взятие Вены».

Служба в армии продолжалась до апреля 1947 года, раньше в Пловдиве (Болгария), затем в Шаумяни (Азербайджанская ССР). Там меня перевели на работу штатного корреспондента дивизионной газеты «За Отечество».

После демобилизации переехал в Ленинград, где поступил на экономический факультет Ленинградского государственного университета, которому впоследствии было присвоено имя А. А. Жданова. Это событие было символичным и делает мои воспоминания об alma mater неоднозначными. Я благодарен судьбе за возможность заниматься в стенах этого вуза, за интереснейшие лекции исторического цикла (мне довелось слушать академика Тарле, профессора Штейна, знаменитых ученых-античников и медиевистов), за возможность изучить фундаментальные курсы теоретической и прикладной экономики и статистики. Но учеба протекала на фоне самых уродливых проявлений советского тоталитаризма — «борьбы с космополитизмом» и «ленинградского дела». Они дотянулись до университета, и в частности до экономического факультета, волна репрессий — арестов

и увольнений — обрушилась на профессоров и других преподавателей, исчезла практически вся профессура. В некоторых случаях их заменяли аспиранты и студенты старших курсов. «Охота на ведьм» затронула и студентов. Для неизгнанных «нечистых» была создана даже отдельная учебная группа по самой непрестижной в то время, в отличие от нынешнего, специальности «Бухгалтерский учет».

Как фронтовик и член партии я избежал этой участи, закончил отделение политической экономии, готовившее вузовских преподавателей этой дисциплины. В зачетке стояли только отметки «отлично». Два года был партторгом курса. Организовал лекторскую группу факультета, много лекций читал сам, в том числе по путевкам общества «Знание». Репетиторствовал, во время каникул работал воспитателем в пионерском лагере. Это было необходимо, потому что, будучи студентом третьего курса, я женился, а через год стал отцом. О своей супруге, с которой мы вместе уже 62-й год, детях и внуках расскажу позже. Дорожу дружбой со многими соучениками — ныне здравствующими профессорами Л. С. Бляхманом, В. Е. Есиповым, З. В. Матросовой, доцентом Н. З. Волчек. Часто вспоминаю уже покойных друзей: профессоров В. В. Орешкина, А. В. Ланскова, В. В. Рагозина и многих других.

В 1952 году, когда я заканчивал университет, перед распределением на работу честная и достойная женщина, декан факультета Сониная, смущаясь, сказала мне, что на направление на работу преподавателем я не могу рассчитывать. Мой красный диплом, фронтовое прошлое, партийность, готовность переехать на любую работу в любое место, вплоть до Дальнего Востока, не могли помочь. Мешала национальность.

Итак, при дипломе, наградах, полученных в университете знаниях и все еще сохранившемся энтузиазме — желании изучать и преподавать экономическую теорию — я оказался безработным.

На работу мне помог устроиться случай. Родственник соседки по коммунальной квартире (где с 1948 по 1985 год в одной комнате мы проживали впятером) был директором Ленинградского отделения Художественного фонда СССР. Я получил должность учетчика в столярном цехе одного из предприятий этой организации, проработал в Художественном фонде десять лет и сделал для того времени (после смерти Сталина и краха «дела врачей») головокружительную карьеру. Я стал начальником планового отдела предприятия, затем занял эту должность в самом отделении, а в 1967 году был назначен директором всего Ленинградского отделения Художественного фонда СССР. Это была нетипичная для того времени структура, номинально подчиненная Союзу художников, возглавляемая избранным органом, назначающим исполнительный орган в лице директора. В ее состав входили производственно-творческие предприятия (в мою бытность их было пять), функционировавшие на рыночных началах. Планы утверждались только в рамках самой организации. Я многому там научился — не только менеджменту, но и специфике общения и сотрудничества с творческими работниками. Я был распорядителем кредитов и обеспечил финансирование строительства известного Дома художников на Песочной набережной, ремонта и строительства творческих мастерских, добился льготного режима лимитирования фонда зарплаты. При этом моральные принципы коммуниста не позволяли просить улучшить жилищные условия, и я с семьей продолжал жить в одной комнате коммунальной квартиры до 1985 года, когда дом пошел на капитальный ремонт.

Интересным и конструктивным было общение с ведущими художниками — М. К. Аникушиным, В. А. Серовым, В. Н. и А. Н. Прошкиными, А. И. Харшаком и другими.

Но стремление к научно-преподавательской работе меня не оставляло. Разработал и читал курс экономики в Художественно-промышленном училище имени В. И. Мухи-

ной (ныне, как и до революции, имени барона Штиглица), сдал экзамены кандидатского минимума, опубликовал и подготовил кандидатскую диссертацию. На это тратилось все потенциально свободное время — вечера, выходные, праздники, отпуска, что не радовало во всем поддерживающую меня супругу. У нас уже было двое детей, а она все время работала (технологом хлебопекарни, а затем преподавателем техникума). Имеет 40-летний стаж работы, является ветераном войны и ветераном труда.

Защита диссертации натолкнулась на серьезные барьеры. В диссертационный совет по экономическим наукам университета поступило письмо из аппарата ЦК КПСС, в котором со ссылкой на анонимное письмо утверждалось, что автором работы был не я, а подчиненные мне сотрудники планового отдела. Мне пришлось предъявить созданной специальной комиссии папки с рукописями диссертации, свидетельства людей, наблюдавших за моей работой в Публичной библиотеке, заявления друзей и коллег, отрицавших клевету мнимых «авторов». В результате я был допущен к защите, которая прошла успешно. Ученая степень кандидата экономических наук была мне присуждена единогласно. Но затем последовали новые испытания. Я был приглашен на заседание экспертной комиссии ВАК. Обсуждение началось с проверки моих экономических знаний, затем последовала серьезная защита результатов диссертации, а закончилось все словами председателя (к сожалению, не помню его имени): «Вам бесспорно надо полностью сосредоточиться на научно-преподавательской работе».

Вскоре мне посчастливилось последовать его совету.

Большая часть моей жизни (почти 50 лет) связана с РГПУ (ЛГПИ) имени А. И. Герцена, куда я поступил на должность старшего преподавателя кафедры политэкономии в 1962 году. Меня пригласил на работу заведующий кафедрой С. И. Иванов, собеседование провел А. Д. Боборыкин (в то время проректор). Я им благодарен по сей день. Уже первое знакомство с ними, а в последующем и с преподавателями всех рангов и степеней, руководителями и служащими института позволило мне почувствовать специфику герценовской атмосферы вуза: высокий научный уровень, требовательность, культура, духовность, толерантность, следование лучшим традициям русской интеллигенции, определенное свободомыслие при вынужденном, часто формальном подчинении требованиям и идеологическим постулатам вышестоящих партийных органов.

Приведу несколько примеров.

Вопреки полуофициальному антисемитизму (пресловутый «пятый пункт»), единственным критерием отбора профессорско-преподавательского состава был и остается профессионализм, научный потенциал и педагогическое мастерство кандидата, независимо от его национальной принадлежности.

В отличие от руководства других вузов, нашему ректорату удавалось защитить «провинившихся» в идеологических прегрешениях преподавателей и студентов от преследований и увольнения. Вспоминаю так называемые «дела» преподавателя античной литературы Суздальского, которого обвинили в распространении самиздата, и двух студенток, позволивших себе участвовать в танцах во время религиозного «Праздника торы» в синагоге. Все они отделались предупреждениями, в то время как повинные в этих же действиях были изгнаны из других институтов. Несмотря на свой экспансивный характер, заботясь о репутации института, в Смольном А. Д. Боборыкин проявлял в этих случаях мужество и благородство.

Тот же гуманитарный и объективный подход к комплектованию профессорско-преподавательского состава характерен для возглавляемой первым проректором, ученым-филологом В. А. Козыревым конкурсной комиссии, в работе которой я длительное время

принимал участие вместе с подлинными носительницами бренда нашего университета С. Г. Ильенко и С. И. Тиминой и другими ветеранами университета.

Либеральной была и наша кафедра. С. И. Иванов умело освобождал преподавателей от обязательного проведения специальных занятий по материалам Пленумов ЦК КПСС и изучения художественных произведений Л. И. Брежнева. В наших лекциях и публикациях мы отстаивали позиции так называемых «товарников», с надеждой приветствовали начало ушедших впоследствии в песок либеральных косыгинских реформ.

Не удивительно, что я отказался от соблазнительного предложения перейти в штат профильного для экономиста Инженерно-экономического института. Там я работал некоторое время по совместительству как старший научный сотрудник лаборатории промышленно-экономических исследований при Ленсовнархозе.

До создания факультета экономики в 1992 году читал лекции и вел практические занятия на разных факультетах, начиная с художественно-графического, где мне пригодились знакомство с экономическими аспектами творческой работы художников, а также на факультете иностранных языков. Тут мне помогало владение немецким и английским. Особенно интересной была работа на историческом и географическом факультетах. Здесь было важно учитывать связь этих дисциплин с экономикой. На географическом факультете работал почти пять лет. Он стал мне родным, там я приобрел много друзей. Особенно ценю дружбу с Ю. Н. Гладким, одним из ведущих ученых, автором фундаментальных учебников по экономической географии, умнейшим, наделенным блестящим чувством юмора человеком.

Старался доказать студентам неэкономических факультетов, что знакомство с экономикой в практической жизни важнее, чем разгадка тайны летающих тарелок и понимание разницы между «легким» и «тяжелым» роком. Пытался внушать библейское представление о добре и зле, любви как главной ценности, стремился поощрять чувство юмора и оптимизм. Сегодня меня очень беспокоит общий уровень культуры и грамотности студентов. Часто на первом же занятии предупреждаю, что за ударение на последнем слоге в слове «средства» или за оборот «наиболее оптимальный» могу и снизить оценку.

Понимаю и использую современные методы обучения и аттестации студентов. Но думаю, что письменное тестирование и компьютерную презентацию знаний обучающихся следует разумно дозировать, чередовать с устными выступлениями и дискуссиями. Только так удастся развивать у студентов умение пользоваться русским языком, избавиться от засоренных уличным жаргоном и часто совершенно ненужных иностранных оборотов и выражений.

На мои научные интересы повлиял целый ряд факторов. Уже во второй половине пятидесятых годов мне, как и многим другим экономистам, стали очевидны многие дефекты механизма централизованного планирования. И в частности, «валового подхода» к оценке результатов деятельности предприятий, отраслей и всего народного хозяйства. Ориентация на объем валовой продукции (ее величина более чем наполовину зависит от стоимости потребленных материалов) делала выгодным изготовление дорогостоящих изделий, поощряло не экономию, а расточительное расходование материалов, порождало так называемый затратный подход, тормозило научно-технический прогресс. Моя кандидатская диссертация с осторожным названием «О дополнительных ценностных показателях объема производства машиностроительных предприятий» была посвящена поискам противоядия этому явлению, доказательству преимуществ так называемых «бесповторных методов» расчета объема продукции и, в частности, одного из них — условно чистой продукции. Эти предложения вызвали бурный протест моего оппонента — патриарха советской экономической

статистики профессора А. И. Ротштейна. Однако он резюмировал свой отзыв заключением, что «смелость и оригинальность идей, серьезность аргументации дают все основания для присуждения соискателю искомой ученой степени».

Проблема построения и использования экономических показателей оказалась актуальной и важной для любых условий хозяйствования (в том числе и рыночных). Я пытался ее развивать в разных направлениях. Защита докторской диссертации «Методология и методика построения обобщающих показателей объема и эффективности производства» в Инженерно-экономическом институте оказалась боевой. Многие члены совета были заранее настроены против «чужака», вторгающегося в монополизированную ими область знаний. Большая аудитория, в которой проводилась защита, была переполнена. Защита продолжалась 4 часа. Мне было задано 47 вопросов. Благодарен своим оппонентам В. М. Кудрову, Ф. С. Веселкову и покойному В. И. Громову за поддержку в этом сражении, из которого я вышел победителем.

В диссертации были обоснованы и предложены новые показатели эффективности и механизм их применения на разных уровнях национальной экономики. При этом я опирался на выводы теории эффективности инвестиций (школа академика Т. С. Хачатурова) и выводы представителей экономико-математического направления. Особенно большое влияние оказала на меня теория оптимального программирования. С ее создателем, впоследствии академиком и лауреатом Нобелевской премии Л. В. Канторовичем, я познакомился, слушая курс его лекций, а также участвуя в конференции в Латвии, где во время длительных бесед с ним был потрясен блестящим умом внешне непритязательного, далеко не красноречивого, мужественного человека. Мне посчастливилось также общаться с другим лидером этой школы, нашим земляком, скромным, немногословным, глубокого ума ученым, лауреатом Ленинской премии профессором В. В. Новожиловым. Мне посчастливилось оказаться одним из соавторов монографии «Реформа ставит проблемы», написанной под его руководством.

При формировании моих взглядов и движении по ступеням науки неопределимую помощь и поддержку мне оказал мой ближайший друг, заслуженный деятель науки, профессор СПбГУ Л. С. Бляхман. В 1948 году я, будучи студентом первого курса, посоветовал ему избрать профессию экономиста. Сегодня он является одним из авторитетнейших специалистов в области экономики инноваций, известен как лидер научной школы, который вырастил целую плеяду молодых ученых.

Рыночные преобразования не могли не оказать влияния на мои научные интересы. За последние 20 лет я опубликовал более 40 работ, посвященных новым для нашей экономики организационно-правовым формам предприятий, новым направлениям менеджмента, процессно-ориентированному управлению, бизнес-планированию, реструктуризации и применению сбалансированной системы показателей. Сегодня являюсь автором и соавтором 205 публикаций, в том числе восьми монографий (из них две изданы в Германии), четырех изданных после 2000 года учебников для вузов, специальных учебных заведений, учащихся общеобразовательных школ (учебники имеют гриф Министерства образования и науки РФ и в настоящее время входят в федеральный комплект учебников для школ).

Научной работе способствовали ее внешние и внутренние условия. Это, с одной стороны, участие в научных конференциях в России и за рубежом, а с другой — постоянная связь с практикой.

Важную роль сыграла отличная организация хоздоговорной работы. На протяжении 25 лет я осуществлял руководство хоздоговорной группой при кафедре политэкономии, в которой участвовало большинство преподавателей и аспирантов. Нашими заказчи-

ками были Ленсовнархоз, Министерство электротехнической промышленности, НИИ метрологии, крупные предприятия. Результатами были рекомендации по внедрению новых показателей по методике составления планов научно-технических комплексов.

В начале 90-х годов мы подготавливали документы, необходимые для ваучерной приватизации крупных фирм и учредительные документы для мелких предприятий. Моей правой рукой был нынешний заведующий кафедрой теоретической экономики, мой друг и коллега профессор М. А. Скляр, чья научная эрудиция, феноменальная память, неутомимость и целеустремленность в огромной степени способствовали достижению успешных результатов наших исследований. Среди участников хоздоговорной группы не могу не упомянуть нынешнего декана факультета экономики профессора А. Я. Линькова. Уже тогда он отличался широким диапазоном экономических знаний, незаурядной способностью воспринимать новую информацию, свободным владением словом. Его организаторские способности, энергия и креативность проявились сегодня при выполнении обязанностей декана. Новаторский подход к решению не легких экономических задач продемонстрировал молодой доцент, сегодня первый вице-президент Балтийского банка В. И. Жиров.

Работу по хоздоговорам курировал НИЧ института. Его руководители многому меня научили. Там я впервые познакомился с Г. А. Бордовским, под руководством которого состоялось новое рождение нашего университета. Сегодня он ректор, формальный и неформальный лидер многотысячного коллектива. Не перестаю удивляться его умению принимать нестандартные решения, всегда с интересом слушаю его выступления как председателя одного из диссертационных советов по педагогике, в которых он, ученый-физик, оценивает и нередко развивает выводы педагогических исследований диссертанта.

Своими знаниями и опытом я делился с 50 аспирантами и многочисленными соискателями, работа с которыми была и до сих пор остается любимым «отсеком» моей научной деятельности. Большинство из них — целевики из разных областей страны. Сегодня многие ученики моей школы — профессора и доценты, заведуют кафедрами в Чите, Ростове-на-Дону. Поддерживаю связь с ними до сих пор, их аспиранты — мои «научные внуки» — защищают диссертации в возглавляемом мной диссертационном совете.

Каждый аспирант для меня прежде всего личность. Стараюсь «на старте» в первую очередь узнать его характер, наклонности, способности и интересы. Мог бы посвятить каждому отдельный очерк, но назову здесь лишь несколько имен. В первую очередь хочется сказать несколько слов о Н. П. Литвиновой, моем верном друге и прекрасной женщине. Она сегодня профессор, доктор наук, декан факультета экономики Санкт-Петербургского института гуманитарного образования. Нина Петровна является одним из ведущих специалистов в области экономики образования, возглавляет благотворительный образовательный фонд, плоды ее работы хорошо известны в России и за рубежом. Моим студентом и аспирантом был и ветеран нашей кафедры доцент И. В. Михайлов, специалист высокой квалификации в области экономики труда. В соавторстве с ним был издан ряд учебных пособий и методических материалов. Не могу не назвать моих студентов и аспирантов новейшего поколения Н. М. Старобинскую и Т. В. Яковлеву — молодых доцентов кафедры прикладной экономики. Вспоминаю И. Лузину, большого друга нашей семьи, ставшую профессором и проректором Уфимской академии сервиса, старейшего из моих бывших аспирантов ректора Читинского института народного хозяйства Ф. Ф. Бикзаева, заведующую кафедрой экономики Ростовского института торговли Н. Лавриненко и еще одну ростовчанку, до сих пор близкого друга нашей семьи, талантливую Г. И. Горюшину.

Я с радостью приветствовал инициированное М. С. Горбачевым начало перестройки, рыночную революцию Б. Н. Ельцина и Е. Т. Гайдара. Но что привело комсомольца, энтузиаста, фронтовика, члена КПСС к отрицанию и неприятию советской идеологии, марксизма и политического режима?

Этот процесс протекал долго и мучительно. Много лет я воспринимал болезненные, трагические и даже преступные явления и процессы в экономике (тотальный дефицит, всеобщую бедность, низкую эффективность производства) и политике (репрессии, цензуру, закрытые для выезда границы) как суровую необходимость, отдельные недостатки и ошибки, вынужденные временные отступления от «чистого марксизма-ленинизма». И это в условиях, когда эти «недостатки» затрагивали меня и мою семью — арест и ссылка моей тети и ее мужа по известному делу «Завода Ленина», почти 30 лет проживания в одной комнате коммунальной квартиры, многочасовое дежурство в очередях, постоянное чувство страха за будущее.

Радовали временные послабления в рамках тоталитарного режима — упомянутый провал «дела врачей», начало реабилитации репрессированных знакомых и родственников, хрущевская оттепель, «косыгинские реформы». Однако эти преобразования не оправдали ожиданий, а такие события, как ввод войск в Венгрию и Чехословакию, а также разгон так называемой бульдозерной выставки, развеяли всякие надежды. Переходу в ряды «рыночных» либералов способствовало чтение самиздатовской литературы и западное радио.

Большое впечатление на меня произвела первая туристическая поездка «на Запад» — в беднейшую на тот момент страну Западной Европы — Португалию и «столицу» Европы — Париж в 1974 году. При огромных различиях жизненного уровня этих стран он был несопоставим с нашей бедностью и нищетой населения Китая, который я посетил впоследствии в составе делегации института.

Изменению моих взглядов способствовала и научная работа, знакомство с некоторыми переведенными на русский язык книгами крупных западных ученых (например, П. Самуэльсона, В. Нордхауза, Дж. Кейнса, Дж. Гэлбрейта).

Работая на кафедре общественных наук, я не мог открыто выражать свои взгляды, но пытался в рамках учебной программы фиксировать внимание на экономических понятиях, а «критикуя» положения «буржуазных» теорий, пытался по возможности подробно раскрыть их содержание.

До 1990 года оставался членом КПСС, был даже секретарем партбюро факультета и заместителем секретаря партбюро института. Это было неременным условием сохранения рабочего места и создавало иллюзию участия в «демократизации партии».

Написал заявление о выходе из КПСС в январе 1990 года. Это была реакция на попытку вооруженного подавления провозглашенной в Литве независимости.

Нередко нас спрашивали, почему, несмотря на теневые стороны нашей жизни — бытовые условия («квартирный вопрос»), проявления ксенофобии, мы не эмигрируем в Израиль. Мы с женой дважды посетили эту святую землю, встретились с выжившими родственниками и друзьями, поклонились иудейским и христианским святыням и памяти жертв Холокоста, полюбили эту землю, но вернулись домой в Россию с решением ее никогда не покидать.

Приверженность русской культуре, любовь к стране, которую я защищал, к Герценовскому университету и герценовцам, друзьям, коллегам и ученикам наложили окончательное табу на мысли об эмиграции.

Коренные изменения политической и экономической системы не могли не коснуться формы и содержания экономического образования в стране. Возникла потребность в экономистах, школьных учителях и преподавателях вузов, владеющих инструментами

рыночной экономики. Нужно было создавать заново учебные программы, базирующиеся на современном мировом уровне развития экономической науки, построенной на законах рынка, вводить изучение таких специальностей, как менеджмент, маркетинг и т. п. Эти задачи приходилось решать при отсутствии утвержденных сверху четких указаний и стандартов.

Решительные меры были предприняты по инициативе нашего ректора Г. А. Бордовского. В 1992 году был создан факультет экономики. Первым деканом факультета стал доцент В. К. Дерманов, а с 1996 года его возглавляет А. Я. Линьков, во многом благодаря энергии и креативности которого факультет превратился в один из авторитетных центров подготовки экономистов в городе. Конкурентные преимущества факультета — прекрасная общегуманитарная база и традиции университета, практическая ориентация на подготовку специалистов для предприятий, образовательных учреждений и организаций сферы услуг. Развитию факультета во многом способствуют внимание, забота, справедливая требовательность проректора В. П. Соломина.

Мне пришлось активно участвовать в рождении факультета, составлении учебных планов, программ и методических материалов. Одновременно я переучивался и готовил курс по новой дисциплине «Экономика фирмы», один из первых в стране. Справиться с этой задачей мне помогло, во-первых, знание основных положений макро- и микроэкономики, с которыми я был знаком, в частности, благодаря знанию иностранных языков, и, во-вторых, научные и деловые связи с университетом Потсдама, в котором к тому времени основные кафедры занимали профессора, ранее работавшие в Западной Германии. Долгие годы я курировал сотрудничество с этим университетом, участвовал в проведении встреч и организации ежегодных совместных научных конференций в Потсдаме и Санкт-Петербурге.

Рад, что мне удалось подготовить к преподаванию прикладных экономических дисциплин уже упомянутых коллег — «ветерана» И. В. Михайлова и молодых, успешно работающих Н. М. Старобинскую, Т. В. Яковлеву, В. В. Алексееву и других. Сегодня, несмотря на мой возраст, продолжаю пополнять свои знания: изучаю и использую такие направления современной экономической науки, как институциональная экономика, современные методы менеджмента и управления инновациями.

Социально-экономические преобразования конца прошлого и начала XXI века происходят одновременно с революцией в области информационных технологий. Отношу себя к тем немногочисленным сверстникам, которые полностью взяли на вооружение компьютер и интернет. Эти инструменты превратились в незаменимую «инфраструктуру» моей научной и педагогической работы — методов преподавания, поисков информации, контроля и научного руководства аспирантами и дипломниками. Восхищаясь возможностями компьютеризации и использования интернета, должен упомянуть и таящиеся в нем опасности — расширение возможностей плагиата, с которыми приходится бороться и в роли председателя диссертационного совета, и в роли преподавателя.

Уже более 10 лет я выполняю функции председателя диссертационного совета (раньше в кандидатском, а затем в докторском совете по экономике), создание и функционирование которого было бы невозможно без постоянной поддержки и помощи проректора В. В. Лаптева. На протяжении этого времени ежегодно защищалось 12—15 кандидатских, а после утверждения докторского совета за относительно короткое время было защищено 7 докторских диссертаций. Считаю существенным тот факт, что почти половина диссертаций была посвящена проблемам экономики образования. Ученые степени были присуждены как сотрудникам нашего факультета, так и диссертантам, подготовив-

шим свои работы в других вузах Санкт-Петербурга, а также Перми, Петрозаводска, Уфы и других городов.

Я отношусь к числу председателей-чудаков. Не только читаю тексты диссертаций и авторефераты перед их публикацией, но и редактирую, устраняя стилистические и логические погрешности, а иногда, увы, и грамматические ошибки.

В результате был вынужден несколько раз советовать диссертантам отозвать свою работу. Кроме того, накопленный опыт (состою членом трех диссертационных советов) позволяет мне рекомендовать внести некоторые предложения, направленные на совершенствование требований к диссертантам и процедуры защиты.

В частности, по действующему положению на ученую степень доктора наук может претендовать кандидат наук, заслуживший эту ученую степень по другой специальности (например, защита докторской диссертации по экономике кандидатом технических наук). Считаю, что необходимо потребовать у таких диссертантов сдачи экзамена «докторского минимума» по специальности.

В действующем положении о диссертационном совете указывается, что его члены участвуют в работе на общественных началах. Думаю, что необходимо сделать исключение для членов экспертных комиссий, подготавливающих материалы для предварительного рассмотрения диссертаций. Их ответственность за соответствие документов предъявляемым требованиям должна быть повышена, а затраченное время и труд — оплачиваться.

В заключение еще несколько слов о семье. Профессия экономиста стала в нашей семье отчасти (по мужской линии) наследственной. Сын Павел, наш главный помощник, кандидат экономических наук — руководитель службы управления качеством крупной государственной компании. Внук закончил наш факультет по специальности «Маркетинг», теперь работает маркетологом в крупной корпорации и одновременно учится в аспирантуре факультета. Внучка закончила психолого-педагогический факультет, стала магистром психологии, работает психологом в экспериментальном детском саду и, как и внук, аспирантка своего родного факультета.

Другую, но связанную с моей трудовой биографией профессию избрала моя дочь — художник-дизайнер (как и ее муж), «умная голова» нашей семьи, мой компьютерный гуру, советчица и помощница. Ее забота и внимание облегчают наш быт, радуют и придают новые силы.

В этих кратких воспоминаниях я уже рассказывал о своей супруге. Завершая эти заметки, повторяю, что уже 62-й год мы живем в любви и согласии и что благополучием семьи и своими скромными успехами я обязан ей.
